

И. С. Юрьева

Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи

Галицко-Волынская летопись (далее ГВЛ) — третий компонент Ипатьевской летописи, охватывающий период с 1201 по 1292 г. Источники ГВЛ многообразны. Это княжеские летописцы, различные документы (акты, грамоты, военные донесения, дипломатические отчеты), рассказы очевидцев о битвах и походах, воинские повести, фрагменты из других летописей (например, рассказ о битве на Калке), местное летописание и т. д. [Черепнин 1941; Пашуто 1950; Генсборский 1958 и др.].

ГВЛ делится соответственно на галицкую («Летописец Даниила Галицкого») и волынскую части. Границу между этими частями разные исследователи определяют по-разному. Существует три подхода к разделению текста летописи: исторический, текстологический и лингвистический.

В исторических исследованиях критерием отделения галицкой летописи от волынской служит смена сюжета: галицкий князь Данил перестает быть центральной фигурой повествования. По М. С. Грушевско-

В 2009–2011 гг. коллективом Научно-образовательного центра «Лингвистическое источниковедение» в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН выполнялась научно-исследовательская работа по теме «Создание научно-образовательной системы для обработки и лингвистического исследования рукописных памятников Древней Руси», в рамках государственного контракта № 02.740.11.0368 от 20 июля 2009 г. и федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». В ходе данной работы проводилось систематическое исследование рукописных источников Древней Руси, опирающееся на отечественный и мировой опыт изучения и издания славянских письменных памятников с научным аппаратом палеографических примечаний, текстологических вариантов, греческим исходным текстом и грамматическим словоуказателем. Галицко-Волынская летопись — один из рукописных источников — объектов исследования.

му, летопись Данила Галицкого заканчивается рассказом о событиях 1255 г. [Грушевский 1923]. По Л. В. Черепнину, последняя редакция «Летописца Данила Галицкого» приходится на 1256–1257 гг. [Черепнин 1941: 228–230; 252–253] — но в результате механического присоединения ГВЛ к Киевской летописи датировка ГВЛ смещена на четыре года [Черепнин 1941: 230], так что граница галицкого и волынского летописаний проходит между летописными статьями за 1260 и 1261 г. Начиная с 1261 г. наблюдается снижение пафоса по отношению к князю Данилу [Черепнин 1941: 230]. Той же точки зрения придерживается А. Н. Ужанков в работе [Ужанков 1989]: последняя редакция Галицкого летописца, составленная после смерти Данила Галицкого, доходит только до 1260 года, конец ее с 1261 по 1264 не сохранился, и сообщение о смерти Данила Романовича под 1264 г. принадлежит уже Волынской летописи [Ужанков 1989: 281–282]. По И. П. Еремину [Еремин 1957], повествование Волынской летописи начинается со смещения акцентов с князя Данила на его младшего брата Василька Романовича — в этом исследователь согласен с Л. В. Черепниным — но началом такого смещения считает не 1261, а 1259 г. В период с 1259 г. до смерти Данила в 1264 г., как пишет И. П. Еремин, волынский летописец о Даниле упоминает «почтительно, но сдержанно» [Еремин 1957: 110]. Согласно В. Т. Пашуто, «холмская летопись епископа Ивана», т. е. последняя часть Галицкой летописи (до смерти князя Данила), охватывает период с 1247 по 1263 гг. [Пашуто 1950: 92].

Текстологический анализ ГВЛ дает иные результаты. В работе [Орлов 1926] граница между галицкой и волынской частями ГВЛ по сравнению с историческими исследованиями отодвигается дальше. А. С. Орлов отмечает, что в галицкой части ГВЛ используется множество цитат из компилятивного хронографа, включающего *Хронику* Иоанна Малалы [Орлов 1926: 103–111], библейские книги [там же: 110–111], *Александрию* [там же: 115–117], *Хронику* Георгия Амартола [там же: 117; 120–123], *Историю иудейской войны* Иосифа Флавия [там же: 117–119]. Последняя летописная статья, содержащая цитату из хронографа — статья под 1265 г., в которой приводится известие о появлении кометы (*звѣзда... хвостата... власата*), имеющее сходство с сообщением из XVII книги Иоанна Малалы. После 1265 г. новые цитаты из хронографа не встречаются [там же: 109–110]. Таким образом, согласно данным А. С. Орлова, есть все основания полагать, что повествование галицкой части летописи заканчивается статьей 1265 г.

В лингвистических работах, посвященных ГВЛ, отмечено, что с точки зрения языка две части летописи отчетливо различаются. Как показано у А. И. Генсьорского в исследовании [Генсьорский 1961], галицкой части свойственно обилие церковнославянизмов, частое ис-

пользование книжных конструкций [Генсьорский 1961: 46–50; 111; 154; 240–241 и др.]. Лексика волынской части в целом намного более бедная, язык менее ориентирован на церковнославянские образцы, в текст проникают народные речевые обороты [там же: 112; 262 и др.].

Граница между галицкой и волынской частями в отношении языковых характеристик, а именно отдельных лексических, фразеологических и стилистических особенностей, согласно [Генсьорский 1961], проходит между летописными известиями за 1260 и 1261 г. Так, например, А. И. Генсьорский указывает, что неполногласные формы в основном встречаются до 1260 г., полногласные — начиная с 1261 [там же: 9–10].

Если исключить личные имена **Володимиръ**, **Володиславъ** и под.¹, а также географические названия и слова, встречающиеся только в одном варианте (**владыка**, **король**), всего в галицкой части неполногласных форм 452, форм с начальным **ра / ла** — 52, в волынской соответственно 46 и 24, при том что галицкая часть в полтора раза больше. Соотношение полногласных форм обратное: в галицкой части их 219, форм с начальным **ро / ло** — 13, в волынской — 445 и 43².

В работе [Шевелева 2010] отмечается, что по некоторым лингвистическим параметрам (смена нарративной стратегии, отдельные синтаксические и морфологические различия) ГВЛ делится на Галицкую летопись — с 1201 по 1260 г. — и Волынскую летопись — с 1261 по 1292 г. [Шевелева 2010: 215–216].

Как показало настоящее исследование, в летописном известии за 1261 г. наблюдаются следующие признаки, свидетельствующие в пользу статей 1260–1261 г. как пограничных. Именно под 1261 г. встречается 4 глагола на **роз-** (один из них — **розмѣтати** — 5 раз). При этом в части до 1260 г. (ок. 38 листов) глаголов на **роз-** всего 9 (10 употреблений), после 1261 г. (ок. 24 листов) — 27 (38 употреблений). В статье за 1261 г. фиксируются 2 причастия на **-оуч-**. В предыдущем тексте их всего два, а начиная с 1261 г. — 17. В той же самой летописной статье употреблены 15 инфинитивных конструкций с глаголом **начати** (**почати**) — ранее же их встречается только 14, а начиная с 1261 г. — 107 (о широком распространении «**начати** + инфинитив» в Волынской летописи ср. [Шевелева 2010: 215]). В известиях за 1261 г. в ГВЛ впервые появляются конструкции «**нмоу** + инфинитив» (подробнее см. ниже).

¹ Поскольку их неполногласные варианты в ГВЛ отсутствуют.

² В [Генсьорский 1961: 10] статистические данные немного отличаются от приведенных здесь: по всей видимости, критерии, по которым исключались отдельные формы, в указанной работе были несколько иными.

Однако наряду с этим под тем же 1261 г. читаются три цитаты из *Истории иудейской войны* [Пичхадзе 2004: 8–9], источником которых мог быть только компилятивный хронограф, отраженный в «Летописце Данила Галицкого».

Таким образом, если объединить данные исторического, текстологического и лингвистического анализа ГВЛ, можно заключить, что именно со статьи 1261 г. начинается активное редактирование окончания Галицкой летописи (как и предполагает А. С. Орлов, доходящей, вероятнее всего, до 1265 г.) волынским редактором.

В ходе наблюдения над языком ГВЛ были зафиксированы следующие особенности текста летописи.

Галицкая часть

I. Синтаксис

1. В галицкой части ГВЛ встречается именительный темы: **они же** (болховские князья, которых Данил спас от расправы князя Болеслава) **вѣбѣшася работѣ вѣгги. внемъ же молацимса. Данилъ же и Василю.** **занѣ хоти** (= **хотѣ** — о Болеславе) **с ними врань створи ти. Василю же ехавъ оубѣди и рекше оумоли и...** (под 1241 г., л. 267) — (*И вот Данил и Василько — потому что он (Болеслав) хотел с ними (Болховскими князьями) воевать — Василько, приехав, уговорил его, то есть уприсил...* Братья Данил и Василько сначала упоминаются вместе: важно назвать старшего брата Данила, пусть он в дальнейшем и не принимает личного участия в действии. В тех случаях, когда говорится о братьях-союзниках, глагол иногда даже стоит в единственном числе, например: **наоутрѣла же приде Данилъ и Василю** (под 1227 г., л. 255). В некоторых случаях, если даже единственным действующим лицом является старший брат, в летописи названы оба, ср.: **Данилъ же и Василю братъ его** (впрочем, в Хлебниковском и Погодинском списках здесь стоит **съ брато(м) си василю(м)**). **розгадавъ. со снѣмъ брата си. посла на Волковыескъ. а сѣна на Оуслонимъ. а самъ иде ко Здитовоу** (под 1252 г., л. 273 об.).

2. Зафиксирован пример именительного самостоятельного [Потенба 1958: 197–207] в пространственном значении: **и стоагье нхъ на четырехъ головахъ члвцихъ. извагано отъ нѣкоего хытрѣчь. шкъна ·г· оукрашена. стеклы Римьскими. вхѣдаци во шатарь** (= *на входе в алтарь*). **стоагста два столпа. ѿ цѣла камени. и на нею комара**³ (под 1259 г., л. 281 об.).

³ Некоторые детали описания (**хытрѣчь нѣкын, извагати**), возможно, заимствованы из кн. VIII, IX Иоанна Малалы [Генсборский 1958: 15].

Место расположения объекта указывается через описание пути к нему, в данном случае — с помощью обособленного оборота.

Подобные конструкции встречаются в древнерусских текстах, ср. в *Хождении Даниила*: **И тѹ естъ на левой рѹцѣ ѹ пѹти, тамо идѹчи, церкви святаго Стефана Первомѹченика** [ХД: 34]; **А оттѹду естъ, пондѹчи мало ко востоку лицѣ**, Приторни, идѣже вонни приведоша Христа къ **Пилатѹ** [ХД: 42]; **А оттѹда мало придѹчи ко востоку лицѣ, естъ мѣсто, идѣже Христось кровоточивѹю исцѣли** [ХД: 42] — и др. Близкие конструкции с деепричастиями имеются и в русских литературных текстах XIX–XX вв., ср.: *В нескольких шагах от кондитерской, поворота от нее направо, есть переулоч...* (Ф. М. Достоевский, «Униженные и оскорбленные»); *Не доезжая Страстной, налево, под вывеской «Кафе Бом», за двумя зеркальными окнами сидели на диванах праздные молодые люди...* (А. Н. Толстой, «Хождение по мукам»).

В приведенных контекстах функции причастий сходны с употреблением глаголов пространственного перемещения в географических описаниях, ср. примеры из работы [Горбунова 1997: 52]: **Волга. иже идеть на вѣстокъ. въ часть Симовѹ** (ПВЛ, л. 3 об.); **от Гепсимани во дѣбрь поидеть сквозѣ лаврѹ и приходить к Бодомьскому морю** [ХД]. Ни **Вѣлга**, ни **дѣбрь** не могут быть активными субъектами обозначенных глаголами действий. И в том, и в другом случае домысливается наблюдатель, как бы идущий этим же путем [ср. Падучева 1996: 100].

3. В летописи обнаружены два контекста с гиперкорректным добавлением вспомогательного глагола **вѣ** при формах простого прошедшего времени — перфекте и аористе: **вѣ во имѣашеть леть во срѣци своемь** (под 1226 г., л. 254 об.); **вѣ во имѣ рать на вон с Немци** (под 1252 г., л. 273). Согласно [Шевелева 1993], подобные употребления сформировались под влиянием живых диалектных конструкций — потомки таких конструкций до сих пор существуют в северных русских говорах [Пожарицкая 1991]. Глагол в таких контекстах служит для утверждения достоверности описываемого факта [Шевелева 1993: 144] — ‘(вот что) было (в действительности)’. Распространены подобные конструкции в основном в относительно поздних памятниках, наиболее часто — в текстах северо-запада. Однако спорадически глагол **выти** в упомянутой функции встречается и в более ранних текстах — как в данном случае. Ср. также: **вънезапоѹ вѣ вѣтрѣ великъ вѣста** (Чудеса Николы, список Т. кон. XII в. — [Макеева 2003: 250]); и **вѣста рѹцѣ держаста на рамѣ** (СЛ, под 1263 г., л. 169).

4. В **галицкой** части ГВЛ очень частотны конструкции с «**дательным самостоятельным**» (далее ДС). Как пишет М. Н. Шевелева, они являются «основой нарративной стратегии летописца» [Шевелева 2010: 215].

Причастий, входящих в ДС, в галицкой части 720 (из 26000 словоформ), т. е. примерно 2,8% всех слов. В волынской части их 103 (из 13000 словоформ) — около 0,8%.

Для сравнения, в Киевской летописи по Ипатьевскому списку таких причастий 287 из 79000 словоформ, т. е. 0,4%, в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку — 294 из 46000 словоформ (примерно 0,6%).

Как показывают эти данные, в отношении употребления ДС галицкая часть ГВЛ заметно отличается как от волынской части, так и от КЛ и СЛ.

ДС в Галицкой летописи часто идут друг за другом в ходе повествования, ср.: Звенигородцемъ же лютьѣ воруцимса имъ с ними и не поущаюшимъ ко граду. ни ко встрожnymъ вратомъ. шнем же стоающимъ вкрѣтѣ града Васлакоу же княжацию во Белзѣ... (под 1208 г., л. 247 / 247 об.); патым же бывшии. княземъ. Роману Сѣтославоу Ростиславу. Оугромъ же хоташемъ е вести королеви. Галичаномъ же молацимса имъ. да быша и повѣсили мести ради (под 1208 г., л. 248); матержу же бывшию королеви не могли въинчы оучинити. за безаконие ихъ. Володиславоу же бѣхавшию напередъ. со всеми Галичаны (под 1210 г., л. 248 об.); оному же оутекши (!) пред нимъ. борзости ради коньское. Данилови же возвратившюса. и единому едоущю межи ими шнем же не смѣющимъ наѣхати на нь (под 1213 г., л. 250); Татаром же бѣгающимъ. Данилови же избивающи (!) ихъ своимъ полкомъ. и Влгови Коурьскомоу крѣпко бившимса. инѣмъ полкомъ. сразившимса с ними грѣхъ ради нашихъ. Роускимъ полкомъ повѣженымъ бывшимъ. Данилъ видивъ тако крѣпциши брань належитъ. в ратныи. стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпциѣ вбрати конь свои на вѣгъ. оустрѣмленниа ради противныхъ вѣжацию же емоу. и вжада воды (под 1224, л. 253) — и т. п.

В ходе анализа текста ГВЛ в галицкой части были зафиксированы необычные значения ДС. В записи под 1255 г. встретился ДС, заменяющий придаточное определительное: Некентии бо клянаше тѣхъ. хулашимъ вѣроу Грѣцкоюю. правовѣрноюю (под 1255 г., л. 277) — ‘тех, которые хулили’. Согласно [ИГРЯ 1978], ДС мог употребляться в позиции придаточного предложения во временном, причинно-следственном, условном и уступительном значениях [ИГРЯ 1978: 423]. В качестве примеров на «определяющее» значение ДС приводятся два контекста: «...и кгда начать (!) проскомисати авва ноанъ. тогда прозвѣтерѣ сущж... не видѣ по обычаю пришѣствна сѣго дѣа (Син. пат., л. 14); Слышахомъ же преже трехъ лѣтъ бывшее знамение в Новѣгородѣ всѣмъ людемъ видяцимъ (Лет. Моск., л. 99)» [там же: 423]. Но в обоих случаях, однако, рассматриваемая конструкция выступает в стандартном для него обстоятельном значении.

В ГВЛ попадаются также употребления ДС как аналога дополнительного предложения с союзом так: 1) Льстивомоу Жирославоу рекшию. къ вогаромъ Галичкимъ. тако идеть Мьстиславъ в поле. и хоцеть въи предати тестевн своемуу. Котаню на избитье. Мьстиславоу же правоу соуцню (!) в немь. и не свѣдоуцню ничто же в ннхъ. вни же емше вѣрны... послаша послгы своя рекоуше. так Жирославъ повѣдал ны естъ. Мьстиславоу же пославшоу ѿца своего Тимофѣа. тако всюе вклеветал ма еть (! вм. есть) к вамъ Жирославъ. Тимофею же кленшюса имъ в се так не свѣдоуцоу Мьстиславоу ('о том, что Мстислав ничего не знал'). ничто же в семь (под 1226 г., л. 253 об. / 254); 2) виднѣв же се кнѣзь Данило так Боу посгѣваюцоу ('то... что Бог содействует' — под 1259 г., л. 281 об). Один раз зафиксирован ДС в функции сравнения: шоломъ же нхъ так слнцю восходацоу ('как (будто) восходит солнце' — под 1251 г., л. 273).

Судя по приведенным контекстам из ГВЛ, ситуация, представленная в галицкой части летописи, указывает на то, что рассматриваемые обороты имели тенденцию к расширению своих функций. Таким образом, конструкция «дательный самостоятельный» получает статус предложения. Возможно, это результат сознательной политики летописца, включившего в текст престижные обороты.

5. В ГВЛ зафиксирован один пример вербализации словосочетания: Соудиславъ же понмаса. принде королеви Андрѣви. и возведе король (в Хлебниковском и Погодинском списках так же) Оугорьского. Андрѣа. и приде же король Андрѣи и со снмъ Бѣлоу. и со другимъ снмъ Андрѣемь. ко Дрославоу (под 1231 г., л. 259). Это явление наблюдается в современной разговорной речи «в отношении ряда устойчивых номинативных сочетаний (типа *день рождения, дом отдыха*)... Аналогичным образом ведут себя при склонении неоднословные названия разного рода. Например: Забыл в „Евгений Онегине“ эту строчку» [РР 1983: 96].

6. В одном контексте галицкой части ГВЛ значение 'к себе домой' выражено с помощью наречия домовъ + дательный падеж местоимения си — домъвъ си: а Левъ ѣхав домъвъ си (под 1259 г., л. 280 об.).

В Хлебниковском и Погодинском списках ГВЛ в соответствующем контексте нет местоимения си; в других древнерусских текстах не встречается сочетаний домови + си.

Возможно, в приведенном контексте представлена контаминация выражений домови / домовъ и книжного въ своа си (о свойственности конструкции въ своа си именно книжным памятникам см. [Сумникова 1990: 64]). Вероятно, это можно объяснить тяготением составителя Галицкой летописи к «окнижнению» языка.

7. В ГВЛ встретилась конструкция ѿ... ради: не хотѣхомъ писати ѿ множества ради (под 1248 г., л. 269) — ср. в *Истории иудейской войны*: вн же не помилова его в (!) премѣненїа ради [ИИВ: 96].

II. Морфология

1. В тексте галицкой части летописи слово **вои** в некоторых случаях ведет себя как собирательное существительное единственного числа женского рода. Например: 1) **Даниль во и вои его. бѣ истроудилася. поплѣнила** (в Хлебниковском и Погодинском списках — ещё и попленила) **во бѣ всѣ Черниговскыѣ страны.** (под 1234 г., л. 261 об.). 2) **вои твоя. голодна естъ. и кони ихъ** (в Хлебниковском и Погодинском списках **твое... сж(т)**) (под 1260 г., л. 282 об.). Возможно, такое же употребление формы **вои** отражено в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку: **...побѣгош^а Половци. Улговичъ. и погнаша по нѣ^х Володимерича дружина лучшага. и виша и (!) женѹчи много. и воротишася впаць на полчице. и не шербѣтоша княжеѣ вои. и впадоша Улговичемъ в рѹцѣ. и тако изъимаша и (!)** (СЛ, под 1136 г., л. 101). В Радзивилловском и Академическом списках СЛ на месте подчеркнутого текста стоит соответственно **князѣи своихъ** и **князѣи своихъ**. Речь в приведенном отрывке идет о битве между Ольговичами и Володимиричами. Лучшая дружина Володимиричей бросилась в погоню за половцами, сражавшимися на стороне Ольговичей, а когда вернулась, не нашла Володимиричей и (поэтому) попала в руки Ольговичей. Вероятно, в Лаврентьевском списке текст читается иначе: *...не нашла (остальных) княжеских воинов.*

Такое употребление **вои** может быть вызвано разрушением системы, в которой слова типа **братниа**, **дружина** согласовывались с определением в ед. ч. ж. р., но требовали мн. ч. глаголов. Формы типа **братниа** стали новым мн. ч. [Соболевский 1907: 221; Обнорский 1931: 61–62 и др.] — ср. в Лаврентьевском списке Суздальской летописи: **князь нашъ и братья наши погыбли** (в Радзивилловском и Академическом списках читается **братья наша погнбла**) **в чюжемъ князи** (СЛ, под 1177 г., л. 130 об.); этот пример на развитие плюральной парадигмы собирательных существительных приводится в [Иорданиди, Крысько 1995: 65]. Вероятно, к моменту создания Лаврентьевского (и тем более Ипатьевского) списков слово **братниа** было в живой речи переписчика уже формой множественного числа от **братъ**. Соответственно, описанное поведение слова **вои** могло быть вызвано гиперкоррекцией по правилу, которое могло бы звучать следующим образом: «Слово, обозначающее некое множество, употребляется как слово единственного числа женского рода», — поскольку **вои**, как и **братья**, обозначает совокупность лиц.

2. В Ипатьевском списке ГВЛ один раз фиксируется новая форма винительного падежа множественного числа существительного *о-склонения мужского рода на **-а**: **наоутрега же пондоша плѣняюще**

землю. и жгоуше. зажгоша Таисевиче. и Боуралла и Рамоче и Комата и Дора и града (В Хлебниковском и Погодинском списках грады). плѣнахоуѣтъ. и паче домъ Стекинговъ. зажгоша. (под 1256 г., л. 279). Исходя из контекста (в частности, из самой формы имперфекта, обозначающей множество следующих друг за другом действий), маловероятно, что града — форма двойственного числа. Форма именительного падежа множественного числа слова градъ на -а из памятников того же времени один раз встречается в древнерусском переводе Истории Иудейской войны: и авие исплѣнишаса ближнаа града (в греч. τὰς... πόλεις) мѣтежа [ИИВ: 199]. Причиной возникновения такого именительного падежа считается оформление парадигм типа братъ—братья [Соболевский 1907: 221; Марков 1974: 116 и др.].

Таким образом, форма града свидетельствует о начале формирования нового именительного падежа множественного числа мужского рода на -а к моменту создания Ипатьевского списка летописи.

III. Лексика

1. Союз якоже в ГВЛ один раз используется в значении современного *как то* 'а именно': Даниль же взѣ дворъ Соудиславль. якоже вино и воца и корма. и копни. и стрѣлъ (под 1229 г., л. 257). Значение складывается из значений компонентов: яко 'как' + же 'вот (что)'. Ср. сходное употребление якоже: изначала преже ветхун римъ с константиномъ градомъ. кдинодѣрствоваше. и пѣть патрнарховъ. иже держахоу весь миръ в мирѣ. на седми стѣхъ всеа вселенъпа сворѣхъ вкупѣ баху яко же папа римьскии и патрнархъ антиохунскии и патрнархъ александѣнскии и патрнархъ иерлмкии. преданъа и оучныа стѣхъ аплѣ схранаху вкуп многа лѣта. Сб. Толст. нач. XV в. л. 121 об. [Картотека СДРЯ]; «Мы у непріятеля три главнѣише рѣки въ Полшѣ, якоже Вислу, Бугъ и Нарву, отнимемъ» — Письма и бумаги имп. Петра Великого [Картотека XI—XVII].

2. В ГВЛ слово страньникъ, по всей вероятности, употребляется в значении 'сторонник': стоащимъ же моужемъ на заборолѣхъ. и рекоушимъ имъ. тако молвъѣта (!) великомоу. князю Конѣдратоу. сии градъ не твои ли естъ. мы же моужи изнемогоше. и во градѣ семь. ци иного странниці есмы. но людье твои есмы а ваша братья есмы (под 1229 г., л. 256 об.) В [Генсьорский 1961] утверждается, что значение подчеркнутого слова — «выходец из других краев» [Генсьорский 1961: 22]. Однако же представляется более вероятным, что значение слова странниці — 'сторонники'. Тем более что выражение 'сторонники другого (человека)' при нормальном 'сторонники другого (князя)' было бы довольно необычным. Возможно, страньникъ 'сторонник' — пример

искусственной неполногласной формы для «окнижнения» языка⁴ в галицкой части ГВЛ (о преобладании неполногласных форм в части летописи до 1260 г. см. выше).

Как показал анализ галицкой части ГВЛ, можно сделать вывод о тяготении составителя летописи к престижным книжным конструкциям, на что указывали исследователи языка летописи и ранее. В ряде случаев можно предполагать искусственное «окнижнение» языка.

Волынская часть

1. Синтаксис

1. В волынской части ГВЛ используется конструкция, сходная с «именительным присоединения» [Зализняк 2004: 157] в живом древнерусском языке. В новгородских берестяных грамотах «именительный присоединения» употребляется «обычно с союзом *да*, присоединяющим к уже названным предметам (или предмету) еще один, рассматриваемый как нечто дополнительное, не основное; например: **Онтанѣ посладе Овдокимѹ два клеца да цюка**⁵ 169 (XIV / XV) [там же]. Как пишет А. А. Зализняк, синтагмы «обладают здесь некоторой степенью самостоятельности по отношению к глаголам... приближающей их по значению к отдельным предложениям ('а еще — штука', чем и определяется появление И. падежа вместо В)... Сходные синтаксические эффекты наблюдаются также в долговых списках, которые обычно представляют собой цепочки предикативных синтагм типа 'у X-а столько-то'... Здесь тоже... может выступать И. падеж: 'X — столько-то'» [Зализняк 2004: 157]. В ГВЛ обнаружены два контекста, включающие в себя аналоги «именительного присоединения», в которых присоединяются не отдельные слова, а предикации. В обоих случаях в роли вводящего союза выступает союз *а*: 1) **и начаша веселитисѧ. видаше бо ворогы своѧ изыти. а своѧ дружина всѧ чѣла** (под 1262 г., л. 285 об.); 2) **бѣ радость велика королеви в здоровьи. брата своего и сѡвца. а ворози изыти**. (под 1262 г., л. 285 об.). Точно такие же конструкции встречаются в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку: **оуслышав же Всеволодъ полоненѹ женѹ и з дѣтьми. и до бояръ. и имѣнье. възато. печаленъ бѣ велми. а бра сѧ передалъ**» (403.2–5) 'Всеволод, услышав... сильно опечалился. А [также услышал он о том, что] брат перешел на сторону противника [и из—за этого также опечалился]'

⁴ Идея «искусственного окнижнения» высказывалась Т. Л. Вилкул.

⁵ В современном русском языке тоже встречаются подобные употребления, например: «Значит, я покупаю хлеб, да? и настила, если она будет» [Лаптева 1976: 160].

Известно, что в древних индоевропейских языках глаголы восприятия управляют особой конструкцией «винительный + инфинитив», но в славянских языках эта конструкция известна только как книжное заимствование. Между тем создается впечатление, что и в древнерусском языке глаголы восприятия управляли особой конструкцией, в которой глагол, как и при конструкции «винительный + инфинитив», имел две валентности: одна заполнялась винительным прямого объекта, вторая — придаточным дополнительным предложением (ср. совр. разг.: *Видел Колю, что он вернулся*). Таким образом, приведенный контекст из Суздальской летописи свидетельствует о том, что это явление не представляет собой индивидуальную особенность волынской части ГВЛ, но было распространено в древнерусском языке. В таком случае, можно предположить, что в древнерусском языке глаголы восприятия имели двухвалентную структуру управления, как в древних индоевропейских языках, но выражающуюся в другой конструкции.

2. В летописи обнаружен пример прямой речи, вводимой без союза: **и повѣдаша Володимерови. Гдѣ такъ прихалъ** (под 1287 г., л. 300 об.).

3. Наблюдается эллипсис слова, обозначающего какую-то единицу расстояния (версту?): **ѣха в зажитѣ. единою въздале. ѿ города** (под 1290 г., л. 306 об.) Интересно, что эллипсис какой-то единицы расстояния, по-видимому, встречается в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку: **и привезоша и к Володимерю. и не дошедше ста. изидоша из града противу кмѣ. епѣ Кириль. и Дионисии архимандритѣ. понѣ ша и в градѣ** (СЛ, под 1239 г., л. 163 об.).

4. В волынской части ГВЛ попалась интересная фразеологическая конструкция: **не дамъ не реку города. но ни села не возмешь оу мене** (под 1288 г., л. 302) — соответствующая примерно современному разговорному выражению вроде *не дам не говорю города ~ не то что города...*

II. Морфология

1. В волынской части ГВЛ встречаются случаи употребления полной формы дательного падежа возвратного местоимения себе как показателя медиализации: **и посемь вложи Бѣ во срѣце. мысль блгоу князю Володимерови. нача совѣ доумати. абы кде. за Берестьемъ поставити городъ** (под 1276 г., л. 290 об.—291); **князи же начаша доумати совѣ** (под 1277, л. 291 об.); **и начаша совѣ промыслати. в взятѣи города** (под 1277 г., л. 291 об.) **и придоша подѣ городъ. подѣ Полтовескъ. тоу же сташа на ношь. впочиватѣ совѣ** (под 1279 г., л. 292). Возможно, такое использование совѣ аналогично современному *пошли себе спать*, ср.: *Отпустил (Г) (ЗР) и пошел себе спать* [http://fun.ehh.ru/anekdot_politics_04.html]; *И вовсе он не долго делается, поставил в 12 — 1 ночи*

опару и пошел себе спать [<http://gotovim-doma.ru/forum/viewtopic.php?f=491&t=14619>]. С. А. Крылов считает такие конструкции в современном русском языке своего рода «зачаточным аппликативом» [Крылов], в котором в качестве лица, в пользу которого совершается действие, выступает сам субъект действия.

2. В ГВЛ встретилось сочетание «а + сосл.» в знач. ирреалиса: **а нынѣ (!) братѣ слышимъ твою немочъ великоюю. а вы ты бра^т мои не изгасилъ свѣчѣ надъ гробомъ. стрѣга своего и братѣи своен а вы далъ. городъ свои Берестини то вы твоя свѣща была** (под 1288 г., л. 301 об. / 302). Употребление «а + сосл.» в таком же значении встречаются, например, в *Истории иудейской войны* [Пичхадзе 1999: 35]. Такие же употребления встречаются в других летописях, например, в Киевской: **Изгаславъ же рѣ къ братоу своему Ростиславоу аче та к нама не шла также рекша но а вы с нама Бѣ бѣмъ** (КЛ, под 1148, л. 135 об.); **а ннѣ а вы со мною Бѣ бѣмъ и хрѣтнага сила** (КЛ, под 1149 г., л. 137).

III. Лексика

1. В волинской части ГВЛ отмечено гиперкорректное употребление сочетания **иже кѣто** вместо относительного местоимения **иже то**: **и стада роздаа оубогымъ людемъ. оу кого то конни нѣтоутъ. и тѣмъ иже кѣто** (в Хлеб., Погод. нормальное **иже то**) **погибли в Телевоузиноу рать** (под 1288 г., л. 302). По всей видимости, здесь форма **кѣто** вступила в конфликт с **иже то**.

2. В волинской части дважды встречается слово **лювь** ‘любовь’, не зафиксированное ни в [Срезн.], ни в [СДРЯ] и [СлРЯ XI–XVII]: 1) **питѣга же не пи. Ѡ возраста своего. лювь** (в Х.П. **любовь**) **же имѣаше ко всимъ**. (под 1289 г., л. 304). 2) **...и вси игоуменѣ лювью** (в Х.П. **съ любовію**) **примага** (под 1289 г., л. 304). Предполагать здесь ошибку или опisku невозможно из-за существования формы в косвенном падеже **лювью**.

Ср. также производное слово в КЛ: с **любною**⁶ **рѣчью** (л. 183 об.).

Лювь — праславянское слово. ЭССЯ отмечает его существование в сербохорватском, словенском, белорусском языках, в русских диалектах [ЭССЯ 15: 186]. Согласно [СРНГ], слово **лювь** ‘любовь’ встречается в части современных русских диалектов, как южных, так и северных: «Север., Олон. Перм., Яросл., Моска., Смол., Новг., Волог., Арх., Онеж., Самар., Симб., Якут., Судж., Курск. Печор...» [СРНГ 17: 241].

Как видно из приведенных примеров, в языке волинской части ГВЛ достаточно свободно отражаются явления, свойственные, по всей вероятности, живому языку.

⁶ Слово **любною** позже переделано в рукописи на **любо(в)нцю**.

Особенности распределения некоторых явлений в Галицко-Волынской летописи

I. Синтаксис

В ГВЛ во множестве встречается древнерусская частица *и*. Большинство употреблений близки к современным, ср.: **Бѣ же за высокомыслие его. и не створи того еже онъ мыслѣ**^{ит} (под 1249 г., л. 270 об.) *А Бог из-за его высокомерия (взял) и не сделал того, чего тот хотел; едва даша имъ и миръ* (под 1273 г., л. 289 об.) — *Едва и мир-то им дали* — и т. д.

Частица *и* в части контекстов летописи выступает также в значении, которого нет в современном русском языке, — близком к современной частице *вот*. Чаще всего в такой функции частица *и* выступает в сочетаниях (*не*) *тѣкъмо* и ‘только вот’ ‘разве только’, ср.: 1) *ни вѣдѣша* (вм. *видѣша*) *нишѣто же. токмо и головнѣ. ти псы течюще по городищюу* (под 1259 г., галицкая часть, л. 280 об.); 2) *Лахувѣ же бахуу и еше не вошли во свою землю. но токмо и башетъ* (вм. *бахуутъ*) *ворота прошли* (под 1268 г., волынская часть, л. 288 об.); 3) *ни Романъ ни Глѣбъ. тни князи. Заднѣпрѣсци. но токмо и одинъ Улегъ. снѣ Романовъ притагль* (под 1275 г., волынская часть, л. 290/290 об.). 4) *Володимѣръ же радъ бы^с по великоу вже дружина его вса цѣла. а соромови бра^т своего Кондрата удолѣвъ. токмо и два баста оубита ѿ полкоу его* (под 1281 г., волынская часть, л. 294/294 об.). 5) *и тако пондоша вси токмо и одинъ Володимѣръ. встаса зане бы^с храмъ.* (под 1282 г., волынская часть, л. 294 об.). 6) *Тое же зимы не токмо и во единой Роуси бы^с гнѣвъ Бни. моромъ. но и в Лахууъ тое же зимы и в Татарехуъ.* (под 1284 г., волынская часть, л. 297). 7) *скоро самъ оубиваше всаки звѣрь. тѣм же и прослоуль башетъ во всен землѣ понеже далъ башетъ емоу Бѣ вазнь. не токмо и на единыхуъ ловехуъ. но и во всемъ* (под 1287 г., волынская часть, л. 299 об.). Преобладают такие конструкции в волынской части летописи, которая, как неоднократно отмечалось [см. Генсѣорский 1961; Шевелева 2010], ближе по своим характеристикам живому языку.

II. Морфология

Инфинитивные обороты с глаголами *имамъ* и *имоу*.

В тексте ГВЛ прослеживается четкое распределение инфинитивных сочетаний с *имамъ* и *имоу*: в части до 1260 г. употребляется только глагол *имамъ* и не встречается *имоу*, в части после 1261 г. — наоборот. Кажется, что одна конструкция просто сменяет другую.

В обороты «*имамъ* + инфинитив» глагол *имѣти* вносил дополнительное значение необходимости или долженствования [Потем-

ня 1958: 356; Мустафина 1984а: 14; Мустафина 1984б: 9; Мустафина, Хабургаев 1985; Юрьева 2009: 32–74]. Конструкции с *имамь* считались, по всей видимости, маркированно книжными [Юрьева 2009: 73]. Во всех четырех контекстах *галицкой* части ГВЛ *имамь* в инфинитивных сочетаниях выступает в значении долженствования, контексты — предсказания и клятвы [Юрьева 2009: 45–46]: 1) *Посла же Володимеръ со свѣтомъ Галичкы^х воаръ... к Володимерцею. рекы имъ. не имать устатиса градъ вашъ (вашему городу [нипочем] не выстоять). аще ми не вѣдасте Романовичю. аще не примете брата моего Стослава. княжити в Володимерѣ.* (под 1202 г., л. 245 об.); 2) *изниде же Бѣла рикъ рекъмыи король Оугорскыи. в силѣ тажыцѣ. рекшю емоу яко не имать устати градъ Галичъ (городу Галичу не выстоять). нѣ кто избавляа и ѿ роукоу моею* (под 1229 г., л. 257 об.); 3) *и воспи посолъ глѣмъ велико^м и ре^а слышите словеса великого короля Оугорского да не оуставляеть васъ. Дьманъ... ни да оуповаеть. вашъ Даниль. на Га глѣ. не имать предати (ни за что не сдаст) гра^а сесь королеви Оугорскомоу* (под 1229 г., л. 258); 4) *нынѣ же клятвою клеоу тнѣ. яко николи же. вражды с тобою не имамъ имѣти (ни за что) не стану враждовать с тобой* — под 1238 г., л. 264 об.). Все контексты, содержащие *имамь*-обороты, являются книжными: ср. употребление *аще*, причастия *реки*, конструкция «*да* + индикатив» и др.

В *волынской* части ГВЛ употребляются только инфинитивные конструкции с глаголом *имоу*.

Конструкций с *имоу* в ГВЛ тоже 4: 1) *и посла с Василкомъ три татаринѣ. именемъ. Коучина. Ашика Болюа. и к томоу толмача розоумѣюща роускын язъ (!). што имѣть молвити (скажет/станет говорить) Василко приѣхавъ подъ городъ* (л. 851, под 1261 г.); 2) *Се ми зѣдѣ. близъ мене снѣ мои Шварно. а дроугни гнѣ мои. ицѣ князь Василько. а тѣма сѣ имоу оутѣшивати (стану утешаться/радоваться* — под 1268 г., л. 288 об.); 3) *А княгини моа. по моемъ животѣ. уже восхочеть в черничѣ понти пондетъ. аже не восхочеть ити. а како еи люво. мнѣ не воставши смотреть что кто иметь чинити (станет делать). по моемъ животѣ* (под 1283 г., л. 299 / 299 об.); 4) *Горожани же рекоша. мы тебе не привели и ни слаѣ по тѣ. но голова намъ Краковѣ. тамо же и воеводы наши. и воари велиции. уже имешь княжити (станешь княжить) во Краковѣ. тотъ мы готовѣ твои* (под 1287 г., л. 301). Контексты с конструкциями «*имоу* + инфинитив» менее книжные, нежели контексты из той же ГВЛ с «*имамь* + инфинитив»: ср., напр., союз *што* в первом контексте, некнижный глагольный суффикс *-ива-* во втором, союз *а* (*а како еи люво*) во второй части условной конструкции и др. — что говорит об использовании в тексте летописи свойственных именно живому языку оборотов.

Имамь- и **нмоу-**обороты различаются не только генетически — формы **имамь**, **имаши** и т. д. принадлежат к древней парадигме глагола **имѣти**, а **нмоу**, **имеши**... являются формами глагола **ити** — но и семантически: конструкции с **нмоу** не выражали никакого дополнительного модального значения [Соколова 1972: 22]. Исследователи, изучавшие конструкции с **нмоу**, подчеркивали, что использование данного глагола — в отличие от **имамь** — в сочетаниях с инфинитивом было характерно «для живого, а не книжного языка» [Кузнецов 2004: 255] (ср. также [Гудков 2007: 21]).

Использование маркированно книжных конструкций в галицкой части в противовес употреблению живых оборотов в волынской подтверждает наблюдения исследователей о соотношении двух частей ГВЛ (см. выше) и является дополнительным аргументом в пользу статьи 1261 г. как начала работы волынского редактора и, соответственно, статей 1260–1261 гг. как «языковой границы» двух летописей.

Исходя из того, что галицкая и волынская части ГВЛ резко отличаются друг от друга по многим языковым параметрам, представляется целесообразным в последующих лингвистических работах, обращающихся к данному тексту, отказаться от обобщения «Галицко-Волынская летопись» и в каждом случае отдельно рассматривать Галицкую и Волынскую летописи.

Литература

- ГВЛ — Галицко-Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715–938.
- Генсьорский 1958 — *Генсьорский А. I.* Галицко-Волинський літопис (процес складання; редакції і редактори). Київ., 1958.
- Генсьорский 1961 — *Генсьорский А. I.* Галицко-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ., 1961.
- Горбунова 1997 — *Горбунова (Мишина) Е. А.* Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами) // Вопросы русского языкознания. Выпуск VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 47–66.
- Грушевський 1923 — *Грушевський М. С.* Історія української літератури. Київ–Львів., 1923. Т. III. <http://litopys.org.ua/hrushukr/hrush306.htm>.
- Гудков 2007 — *Гудков В. П.* Параллель из истории форм будущего времени в сербскохорватском и русском языках // Гудков В. П. Исследование частных вопросов истории славянских языков. М., 2007. С. 12–22.
- Еремін 1957 — *Еремін И. П.* Волынская летопись 1289–1290 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 102–117.

- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.
- ИГРЯ 1978 — Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. // Ред. В. И. Борковский. М., 1978.
- ИИВ — «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Том I. М., 2004. С. 63–684.
- Иорданиди, Крысько 1995 — *Иорданиди С.И., Крысько В.Б.* Древнерусские инновации во множественном числе именного склонения I // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 64–77.
- Картотека XI–XVII — Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв.
- Картотека СДРЯ — Картотека Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.).
- КЛ — Киевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 285–715.
- Крылов — *Крылов С. А.* Залог // Онлайн энциклопедия «Кругосвет»: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ZALOG.html.
- Кузнецов 2004 — *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2004.
- Лаптева 1976 — *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Макеева 2003 — *Макеева И. И.* «Сказание чудес Николая Мирликийского» // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка <2002–2003>. С. 228–310.
- Марков 1974 — *Марков В. М.* Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974.
- Мустафина 1984а — *Мустафина Э. К.* Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет». АКД. М., 1984.
- Мустафина 1984б — *Мустафина Э. К.* Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет». КД. Душанбе, 1984.
- Мустафина, Хабургаев 1985 — *Мустафина Э. К., Хабургаев Г. А.* Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамь*, *хощу* и *могу* (на материале ПВЛ по спискам XIV–XVI вв.) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985. № 2. С. 20–32.
- Обнорский 1931 — *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Том 2. Л., 1931.
- Орлов 1926 — *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия ОРЯС Академии наук. Л., 1926. Т. 31. С. 93–126.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Пашуто 1950 — *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Пичхадзе 1999 — *Пичхадзе А. А.* О значениях и функциях союза *a* в древнерусском языке. // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999. С. 28–37.
- Пичхадзе 2004 — *Пичхадзе А. А.* Из истории изучения памятника // «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Том I. М., 2004. С. 7–12.
- Пожарицкая 1991 — *Пожарицкая С. К.* О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des Études slaves*. Paris. 1991. LXIII/4. P. 787–799.
- Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I–II.

- РР 1983 — Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1983.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. I. М., 1991. Т. IV.
- СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 287—540.
- СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. М., 1997. Вып. 22.
- Соболевский 1900 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907.
- Соколова 1972 — *Соколова И. Г.* Будущее время глагола в русской и украинской деловой письменности XV века. АКД. Ташкент, 1972.
- Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка в 3-х тт. Тт. I—III. СПб., 1901—1903.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Вып. 17.
- Сумникова 1990 — *Сумникова Т. А.* О наречии *восвояти* в русском языке // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990. С. 59—68.
- Ужанков 1989 — *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 247—283.
- ХД — Хождение игумена Даниила (Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова) // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ. Под. ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997. Т. IV. С. 25—117.
- Черепнин 1941 — *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки АН СССР, т. 12. С. 228—253
- Шевелева 1993 — *Шевелева М. Н.* Аномальные церковнославянские формы с глаголом *быти* и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию (Памяти профессора Г. А. Хабургаева). М., 1993. С. 135—155.
- Шевелева 2010 — *Шевелева М. Н.* Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива- в летописях XII—XVI вв. // Русский язык в научном освещении. М., 2010. № 2 (20). С. 199—241.
- Юрьева 2009 — *Юрьева И. С.*, Семантика глаголов *имѣти, хотѣти, начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII—XV вв. КД. М., 2009.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1988. Т. 15.